

ГЕНЕРАЛЬНАЯ УБОРКА

— для —

генерального

Ольга Граф

Ольга Граф

Укрощение строптивого босса

«Литнет»

2026

Граф О.

Укрощение строптивого босса / О. Граф — «Литнет», 2026

Она переспала с ним ночью, когда их закрыло в здании из-за грозы. Потом оказалось, что он генеральный директор холдинга. Катя ненавидит таких мужчин. Уверенных, холодных, с дорогими часами и взглядом, который не замечает прислугу. Очень похожий человек год назад украл её проект, оставил с долгами и больной матерью. Именно из-за него она теперь моет полы в офисе. Временно. Максим Воронов — генеральный директор холдинга, человек, которому три года никто не возражал. Пока в его холле не появилась уборщица, которая дерзит ему в лицо, смотрит как на мебель и явно не собирается притворяться, что он ей нравится. Она — не просто уборщица. Он — не просто менеджер. Они ненавидят друг друга. Они хотят друг друга. И утром, при свете неоновых ламп, эта война только начинается.

© Граф О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1 глава. Соколова выходит на объект	5
Глава 2. Человек в дорогих ботинках	9
Глава 3. Гроза и никакой связи	16
Глава 4. Дебош	21
Глава 5. Утро	30
Глава 6. Бизнес-интерес	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

1 глава. Соколова выходит на объект

Инструктаж занял двенадцать минут.

Катерина засекала.

Не потому что торопилась — просто старая привычка аналитика: замерять всё, что можно замерить. Раньше она замеряла эффективность логистических цепочек. Теперь замеряла, сколько времени тётя Зина тратит на объяснение очевидного.

— ...и вот это важно, Катюша: унитаз чистим по часовой стрелке, — тётя Зина подняла палец с маникюром цвета «бордо в трауре». — Против часовой — это уже самодеятельность.

— Тётъ Зин.

— Что?

— Я шесть лет строила логистику для производственных холдингов.

— И?

— И я справлюсь с унитазом.

Тётя Зина — Зинаида Михайловна Громова, бухгалтер на пенсии, владелица клинингового агентства «Чистый дом» и человек с железобетонным убеждением, что стандарты существуют не для обсуждения — посмотрела на неё с той особенной нежностью, которую обычно адресуют котяткам и умственно неполноценным.

— По часовой, Катюша. Мы держим стандарты.

— Теть Зин, — повторила Катя, — у тебя есть хоть один клиент, который когда-либо проверял направление вращения щётки?

— Я проверяю.

— Ты владелец агентства.

— Именно поэтому я и проверяю.

Спорить с тётей Зиной было всё равно что спорить с налоговой — теоретически можно, практически себе дороже.

Холдинг «Воронов и партнёры». Вечерняя смена. Тестовая неделя — агентство тётки Зины только претендовало на контракт, и эти несколько дней должны были решить всё. Тётя Зина говорила об этом с видом человека, который передаёт государственную тайну.

— Катюша, это важно. Если понравимся — контракт на год. Постоянный. Так что ты уж там... постарайся.

— Теть Зин. Я построила логистическую систему для производственного холдинга.

— Я знаю, дорогая. По часовой.

Временно.

Она очень на это надеялась.

Офис агентства располагался в двухкомнатной квартире на третьем этаже хрущёвки — тётя Зина переделала его пять лет назад, когда вышла на пенсию и обнаружила, что сидеть дома ей категорически не подходит по характеру. Одна комната была рабочей — стол, компьютер, шкаф с папками и Пуговка в углу на подстилке. Пуговка был шпицем трёх лет от роду с характером налогового инспектора на выездной проверке и устойчивым убеждением, что все посетители агентства приходят исключительно к нему.

— Пуговка, слезь, — сказала тётя Зина. Пуговка посмотрел на неё, потом на Катю, потом снова на тётю Зину — и слез. Медленно, с достоинством, давая понять что это его решение.

— Он всегда такой? — спросила Катя.

— С рождения. Садись, покажу форму.

Форма была тёмно-синей, с логотипом агентства на кармане — маленький домик и надпись «Чистый дом» шрифтом который тётя Зина, судя по всему, выбирала из соображений солидности. Катя примерила. Посмотрела на себя в зеркало на двери шкафа.

Бывший стратег-аналитик в форме уборщицы смотрел на неё в ответ.

— Хорошо сидит, — одобрила тётя Зина.

— Теть Зин....

— Что?

— Ничего. Хорошо сидит.

Пуговка вернулся на подстилку и сделал вид, что ничего не видел. Профессиональная этика.

Бизнес-центр класса А встретил её стеклом, бетоном и мрамором — настоящим, она проверила, постучав костяшкой пальца, пока консьерж смотрел в другую сторону. Мрамор отозвался солидно. Деньги здесь водились серьёзные, это читалось в каждой детали: в высоте потолков, в освещении, в том, как был устроен ресепшн — не чтобы встречать людей, а чтобы сразу давать им понять, куда они попали.

Катя знала, куда она попала.

Не в смысле адреса — в смысле положения дел.

Тётя Зина позвонила ей в феврале, когда история с судом окончательно дошла до своего логического конца. «Катюша, у меня есть работа. Временно, пока не найдёшь нормальную. Платим честно». Катя тогда три дня отказывалась — из принципа, из гордости, из того смутного ощущения, что если согласиться, то это станет настоящим. Потом мама легла на операцию, и три дня превратились в три часа, после которых она позвонила сама.

Вот так бывший стратег-аналитик с дипломом с отличием стала специалистом по поддержанию санитарных норм в условиях корпоративной среды. Если формулировать профессионально. Катя иногда так и делала — это помогало не думать о Денисе Ковалёве дольше необходимого.

Консьерж Семёныч — пожилой, добродушный, с лицом человека, который видел всё и давно перестал удивляться — выдал ей пропуск и показал, где хранится инвентарь.

— Первый раз у нас?

— Первый.

— Сверху вниз работаем, лифт грузовой вон там. — Он кивнул в сторону коридора. — Народ к восьми в основном расходится, так что мешать не будут.

— Спасибо.

— Кофе в кухне на шестом, если надо. Только из своей кружки, чужие не трогай — тут за это могут и уволить.

— Я не сотрудник.

— Всё равно не трогай. На всякий случай.

Катя кивнула, забрала тележку и поехала наверх.

Восьмой этаж. Седьмой. Шестой.

К девяти вечера офис действительно почти опустел — только где-то в дальнем конце седьмого горел свет в одном кабинете, но дверь была закрыта, и Катя не стала интересоваться. Она работала методично, сверху вниз, этаж за этажом — и мозг работал параллельно, как всегда, потому что мозг вообще не умел выключаться. Это было одновременно её главным профессиональным достоинством и текущей личной проблемой.

Пока руки везли швабру по полу, голова разбирала пространство: open space на сорок рабочих мест, переговорный зал с панорамным стеклом, кабинет в угловой части — матовое

стекло, отдельный вход, явно для кого-то важного. Планировка грамотная, зонирование логичное. Она бы сделала примерно так же.

Старый рефлекс. Бесполезный, но неистребимый.

На восьмом она мыла пол в ореп спаре и краем глаза наблюдала за последними сотрудниками — двое что-то тихо обсуждали у кофемашины, третий собирал вещи с таким видом, будто торопился уйти раньше чем его заметят. Никто не смотрел в её сторону. Она была частью интерьера — тележка, швабра, форма тёмно-синего цвета. Невидимая.

Раньше она сидела с той стороны — там где обсуждают, собирают вещи, уходят не оглядываясь. Тогда она тоже не смотрела в сторону тележки.

Карма, подумала Катя. Работает точно и без предупреждения.

Она перешла на седьмой.

На седьмом, в небольшой переговорной рядом с лестницей, она притормозила.

На стенах висели схемы.

Большие, красиво распечатанные, в рамках под стеклом — корпоративный шик, всё серьёзно. Логистическая система холдинга. Блок-схема цепочек поставок. Алгоритм распределения ресурсов по региональным узлам.

Катя смотрела на них молча.

Потом подошла ближе.

Потом сказала тихо, почти без интонации:

— Ну привет.

Она знала эти схемы наизусть. Не потому что изучала — потому что рисовала. Каждый блок, каждую связку, каждый узел. Два года жизни, несколько сотен часов, три версии и одиннадцать итераций. Финальная презентация, после которой Денис Ковалёв сказал: «Катя, ты гений, давай оформим на юрлицо компании — так удобнее для инвесторов». Она тогда согласилась.

Это была её первая крупная ошибка.

Вторая — поверить, что «юрлицо компании» и «наше с тобой партнёрство» означают одно и то же.

Третья — не проверить договор у юриста, потому что они же друзья, они же доверяют друг другу, они же вместе строят что-то большое.

Денис Ковалёв продал систему восемь месяцев назад. Тихо, без скандала, через цепочку посредников. Пока Катя готовила вторую фазу, он готовил сделку. Суд она проиграла: документы чистые, подписи её, формулировки размытые, его юрист оказался значительно лучше, чем её вера в людей.

Теперь её система работала в холдингах. Катя знала это, потому что считала — старая привычка. Денис жил в Дубае. Катя снимала однушку на окраине и мыла полы.

Она подошла к рамке вплотную. Посмотрела на табличку в нижнем углу — имя разработчика, логотип компании-прокладки, которую она никогда не слышала. Конечно. Красиво сделано. Аккуратно. Юридически чисто — она уже знала как это работает.

Катя провела пальцем по краю рамки. Стекло холодное, рамка дорогая, под стеклом — два года её жизни с чужим именем.

Она убрала руку.

Глубокий вдох. Выдох.

— Временно, — сказала она. Себе. Или схемам — пусть тоже знают.

Взяла швабру и пошла дальше. Она ещё не знала что это место станет для неё не временным. Совсем не временным. Но об этом — потом.

Холл на первом этаже — мрамор, рецепция, высокие стеклянные двери, за которыми уже темнело — был последним в списке. Катя вымыла его методично, с тем особенным остервенен-

нием, которое последние месяцы заменяло ей медитацию. Туда-обратно. Туда-обратно. Мрамор блестел. Семёныч за стойкой ресепшн читал что-то в телефоне и деликатно делал вид, что её не замечает — профессиональный навык, Катя оценила.

Она домыла последний метр, отступила, осмотрела результат.

Чисто. Ровно. Блестит.

Хорошая работа. Ненавистная, но хорошая.

Именно в этот момент открылись двери лифта.

Катя услышала шаги раньше, чем подняла взгляд — быстрые, уверенные, с тем особенным ритмом человека, у которого нет привычки смотреть под ноги, потому что под ноги смотрят другие. Мужчина. Высокий. Тёмный костюм, белая рубашка без галстука — и вид такой, что галстук был бы явно лишним. Телефон в руке, взгляд в экран. Он шёл через холл к выходу так, будто холл существовал исключительно для этой цели.

По только что вымытому мрамору.

Катя смотрела, как под ботинками — дорогими, она отметила автоматически — остаются следы. Один шаг. Второй. Третий.

— Вы только что прошли по чистому полу, — сказала она.

Он поднял взгляд от телефона ровно на секунду — на неё, на швабру, обратно на телефон.

— Я знаю.

— Это было риторическое замечание или вы планируете что-то с этим сделать?

Он посмотрел на неё так, будто она была ещё одним пунктом в списке задач — и не самым приоритетным.

— Планирую выйти из здания.

И пошёл к двери.

Катя проводила его взглядом ровно до того момента, когда он взялся за ручку — и отвернулась. Раньше чем он вышел. Взяла швабру и начала мыть заново, методично, с того же угла. Следы на мраморе. Туда-обратно.

Дверь за ним закрылась.

Семёныч за стойкой деликатно изучал телефон.

— Временно, — сказала Катя тихо. Себе. Швабре. Никому.

Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

Добро пожаловать в цикл **«Переполох в офисе»**! Все книги можно читать в любом порядке — их объединяет только атмосфера: сильные героини, властные боссы и любовь вопреки здравому смыслу.

Глава 2. Человек в дорогих ботинках

Катерина

На вторую смену Катерина Соколова пришла с планом.

План был, если честно, униЗИтельно простым для человека с её аналитическим бэкграундом: сверху вниз, без остановок, холл последним. К тому моменту как она доберётся до первого этажа — человек в дорогих ботинках уйдёт. Люди которые вот так ходят по чужому чистому полу не задерживаются в офисе после девяти. У них есть рестораны, переговоры, жизнь за пределами этого здания. Они уходят вовремя, потому что их ждут.

Катя в этом не сомневалась.

Она вообще старалась сомневаться только в том, в чём сомнение продуктивно. Это тоже была старая привычка аналитика — тратить ресурс только туда, куда надо.

— Начнешь с восьмого? — спросил Семёныч, не отрываясь от телефона.

— Ага.

— Давай.

Катя забрала пропуск, толкнула тележку к грузовому лифту и поехала наверх. Всё шло по плану. Первые две минуты — идеально. Потом она вышла на восьмой, провезла тележку мимо переговорной, скользнула взглядом по схемам на стене — не останавливаться, сегодня мы просто работаем — и почти убедила себя что всё под контролем.

Почти.

Восьмой этаж к восьми вечера пустел с той скоростью с которой люди покидают место где им некомфортно. Катя наблюдала пока везла тележку по коридору: один менеджер сгрёб ноутбук под мышку на ходу, второй ждал лифт и всё время смотрел через плечо, третий уже в куртке печатал что-то стоя — видимо решил что сесть обратно за стол означает остаться ещё на час. Никто не прощался. Никто не смеялся в коридоре.

Воздух здесь был особенный — тот самый, который Катя научилась считывать ещё в консалтинге. Не напряжение само по себе, а его отсутствие в неправильных местах: люди не спорят, не шутят, не задерживаются у кулера. Ходят правильно и говорят правильно и уходят вовремя. Это значит наверху кто-то, кого боятся — не уважают, не любят, а именно боятся, разница принципиальная. Уважение расслабляет. Страх — нет.

Интересно кто, подумала Катя.

Потом подумала: не твоё дело, Соколова.

Потом всё-таки немного поинтересовалась — профессиональный рефлекс, ничего не подлаешь. Кабинет в угловой части восьмого, матовое стекло, отдельный вход, свет горит до сих пор. Кто-то остался. Кто-то важный, раз такой отдельный кабинет. Директор департамента? Партнёр? Она пожала плечами и поехала дальше.

На седьмом она снова остановилась у схем.

Не хотела. Просто ноги сами.

Стояла и смотрела — долго, дольше чем вчера, потому что вчера был шок а сегодня был просто факт с которым надо как-то существовать. Её система. Её два года. Каждый блок, каждая связка — она помнила как рисовала вот этот узел в три часа ночи, как переделывала вот эту ветку пять раз потому что алгоритм давал сбой на четвёртой итерации, как Денис приносил кофе и говорил «ты гений, я серьёзно, это меняет всё».

Денис сейчас жил в Дубае.

— Временно, — сказала она схемам. Строго. Как говорят человеку который заигрался.

Взяла швабру. Осталась на седьмом — ещё половина этажа.

Столкновение произошло там же, на седьмом, в половине девятого.

Катя везла тележку из переговорной в конец коридора — он вышел из-за угла. Между ними оказался узкий коридор, тележка которая занимала ровно треть его ширины и никакой возможности сделать вид что они не видят друг друга.

Она его узнала сразу.

Вчерашние ботинки, вчерашняя рубашка, рукава закатаны, телефона нет, руки свободны. Идёт так же — с тем же ритмом человека которому не нужно смотреть под ноги потому что под ноги смотрят другие, с тем же выражением лица человека у которого очень много дел и все они важнее текущего момента.

Катя остановила тележку.

Он остановился тоже. Посмотрел — на тележку, на неё, без выражения, как смотрят на препятствие которое надо объехать. Не как на человека. Именно как на препятствие.

— Добрый вечер, — сказала Катя.

Голос ровный. Лицо нейтральное. Внутри — тихое бешенство которое она аккуратно, методично, профессионально удерживала за закрытой дверью.

— Вечер.

Она подвинула тележку к стене. Ровно настолько насколько требовала геометрия. Можно было бы подвинуть чуть больше — было бы удобнее. Она подвинула ровно настолько насколько надо. Пусть бочком.

Он прошёл.

Не притормозил. Не кивнул. Не сказал спасибо — Катя не ждала спасибо, она реалист, но факт зафиксировала. Прошёл как проходят мимо стены — не потому что грубит, а потому что стены не предполагают реакции. Она для него не человек. Она элемент пространства с тележкой. Обходимый элемент.

Катя смотрела ему в спину.

Высокий. Уверенный. Идёт так будто весь этаж его личный. Катя мысленно выдала ему биографию — быструю, безжалостную, терапевтически необходимую. Топ-менеджер. Из тех, кто с двадцати пяти лет привык что двери открываются до того как он успел потянуться к ручке. Никогда не стоял в очереди — не потому что хамит, просто не замечает что она есть. Думает что мир делится на тех кто решает и тех кто исполняет — и никогда всерьёз не задумывался в какой он части, потому что зачем думать о том что и так очевидно.

Она, очевидно, была в части «исполняет».

Со шваброй.

Возможно она ошибалась. Возможно за этой спиной скрывался человек с тяжёлым детством, добрым сердцем и привычкой говорить спасибо уборщикам когда никто не видит.

Возможно.

Она развернула тележку и поехала на шестой.

Кухня была на шестом. Катя домывала раковину — методично, с тем остервенением которое последние восемь месяцев заменяло ей медитацию, спорт и здоровый сон — когда слышала шаги.

Не обернулась.

Кофемашина зашумела. Запах кофе. В кухне стало тихо той особенной тишиной когда два человека старательно делают вид что они в комнате одни. Пространство маленькое — метров двенадцать, не разойтись, не сделать вид что не заметил.

Катя домывала раковину. Обернулась за тряпкой — висела с его стороны, других вариантов не было.

Он стоял у машины и смотрел на неё. Спокойно, без выражения. Катя взяла тряпку, повернулась к плите. Спиной. Намеренно.

— Вы долго ещё? — спросил он.

— Уже нет.

— Хорошо.

Хорошо. Надо же. Как будто она ждала его одобрения.

— А вы? — спросила она в сторону плиты.

— Что?

— Долго ещё. Я уже третий раз вас вижу после восьми. — Она переложила тряпку. — Это наблюдение, не претензия.

— Работы много.

— Понятно.

Пауза. Катя мыла плиту. Он ждал кофе. За спиной его присутствие занимало непропорционально много места для одного человека просто стоящего у машины.

— Или просто идти некуда, — сказала она. Тихо. Себе. В плиту.

Тишина.

Другая — не та вежливая тишина двух незнакомых людей. А та в которой кто-то сказал лишнее и оба это услышали.

Катя обернулась.

Он смотрел на неё — не как на препятствие и не как на элемент пространства. Как на человека. Первый раз за два дня. Выражение лица было таким которое она не умела читать — а она умела читать почти всё.

Машина пикнула. Кофе готов.

— Спокойной ночи.

Катя взяла тележку и вышла не оборачиваясь.

В коридоре остановилась. Прислонилась к стене.

Зачем она это сказала. Серьёзно — зачем. Он не спрашивал. Он просто стоял у кофемашины и пил своё кофе и никого не трогал — ну, относительно — и она влезла со своей лирикой.

Раунд, сказал голос внутри.

Какой раунд. Это называется «сболтнула лишнего незнакомцу на кухне».

Голос промолчал. Тактично.

Максим

Совещание закончилось в восемь двадцать.

Три часа, шестеро людей, двадцать семь слайдов. Квартальные показатели, новый региональный проект, кадровые перестановки в двух филиалах. Всё прошло правильно — цифры сошлись, решения приняты, разногласий не было. Артём, который сидел справа и три года сидел справа и три года делал всё правильно, под конец выдал речь ровно на три минуты — слово в слово то что Максим хотел услышать. Пауза в нужном месте. Интонация выверенная. Взгляд на нужных людей в нужные моменты.

Безупречно.

Максим поблагодарил всех и закрыл совещание. Люди собрались быстро — они всегда собирались быстро, никто не задерживался чтобы поговорить, никто не оставался с вопросами, все шли к лифту с одинаково облегчёнными лицами людей которые сделали всё правильно и теперь могут идти домой.

Он вернулся в кабинет.

Сел. Открыл ноутбук. Посмотрел на цифры — хорошие цифры, правильные — и понял что думает об Артёме. О том, как тот говорил. О паузе в нужном месте.

Три года назад, когда Максим только взял Артёма в команду, тот спорил. Не много — в меру, умно, по делу. Максим это ценил: хорошее возражение стоит дороже согласия, любой управленец вам скажет. Потом Артём перестал спорить. Максим не сразу заметил — постепенно, за несколько месяцев, возражения стали реже, потом совсем исчезли, и сейчас Артём говорил именно то, что надо именно тогда, когда надо и делал это лучше всех в команде.

И это было, если честно, немного невыносимо.

Максим встал, подошёл к окну. Город внизу — огни, движение, всё как всегда. Он знал этот вид наизусть. Три года в этом кабинете, один и тот же город в одном и том же окне, меняются только цифры. Хорошие цифры. Правильные.

Он не торопился домой.

Квартира была в десяти минутах езды — он купил её три года назад, когда переехал в город, нанял дизайнера и сказал: никакого лишнего. Дизайнер сделал всё правильно. Квартира вышла именно такой — просторная, спокойная, без лишнего. Там тихо. Там всегда тихо — он сам так устроил, потому что тишина это порядок, порядок это эффективность, эффективность это то зачем он вообще всё это делает.

Вот только сегодня вечером тишина почему-то не тянула.

Он вышел в коридор. Пошёл на седьмой — зачем, не сформулировал. Кофемашина была на шестом. Он шёл на седьмой.

Уборщица стояла в коридоре с тележкой.

Максим увидел её за секунду до того как они почти столкнулись — повернул из-за угла и вот она, тележка поперёк коридора, и она смотрит на него с выражением которое формально является нейтральным, а по существу нет. Он умел читать лица — это был рабочий инструмент, годами отточенный, без него в переговорах делать нечего. За нейтральным выражением у неё было раздражение. Хорошо упакованное, профессионально придержанное — но было.

— Добрый вечер.

— Вечер.

Она подвинула тележку. Ровно настолько насколько надо — Максим заметил это «ровно насколько надо», в нём было что-то намеренное. Он прошёл.

Дошёл до конца коридора.

Остановился.

Она снова смотрела на него не так. Не как смотрят на начальника — он знал как смотрят на начальника, за три года насмотрелся. Не как смотрят на важного человека. Как смотрят на человека который мешает работать — с сдержанным профессиональным терпением и внутренним «да уйди ты уже».

Это было неожиданно.

Не неприятно — именно неожиданно. Люди в этом здании смотрели на него определённым образом: чуть напряжённо, чуть внимательно, с готовностью реагировать. Уборщица не реагировала на него как на генерального директора. Она реагировала на него как на помеху в коридоре.

Он постоял секунду.

Потом пошёл на шестой этаж. Кофе все-таки было нужно. Прямо сейчас

В кухне они опять столкнулись, она стояла спиной к нему и мыла раковину.

Максим запустил машину, встал ждать. Было тихо — она не обернулась, он не заговорил, оба делали вид что в комнате один человек. Максим смотрел в окно — небо тяжёлое, облака низкие, будет гроза — и краем зрения видел как она работает. Методично. Без лишних движений. Как человек который делал это тысячу раз и знает точный маршрут.

— Вы долго ещё? — спросил он.

Не нужно было спрашивать. Кофе ещё не был готов, они друг другу не мешали, пространства хватало. Он спросил и сам не понял зачем.

— Уже нет.

Она взяла тряпку и повернулась к плите — спиной к нему, снова. Это тоже было намеренным. Максим это видел.

— Вы всегда так поздно?

Он не сразу понял что это она говорит — тихо, в сторону плиты, как будто себе.

— Что?

— Работаете. Третий раз вас вижу после девяти. Наблюдение, не претензия.

— Работы много.

— Бывает.

Пауза. Она перекладывала тряпку, что-то протирала, не смотрела на него. Максим смотрел на неё — на то как держит спину, на то как двигается — и думал что это странно: почему он замечает как она держит спину.

— Или просто идти некуда.

Она сказала это тихо. Почти себе. Не ему — мимо него, в воздух, как говорят когда думают вслух и забывают что не одни.

Максим не ответил.

Потому что это было точно.

Не в смысле что некуда — у него было куда идти, квартира в десяти минутах, всё правильно и на месте. В смысле что она сказала это про себя, он слышал это в интонации, и при этом попала в него так точно как будто знала.

Она обернулась.

Смотрела на него — уже не нейтрально. Что-то в её лице изменилось, Максим не успел прочитать что именно.

Машина пикнула.

— Спокойной ночи, — сказала она и вышла с тележкой не оборачиваясь.

Максим взял стакан.

Стоял у окна и смотрел на город — тяжёлое небо, огни, облака которые шли совсем низко. «Или просто идти некуда». Она не спрашивала. Она не ждала ответа. Она просто сказала — и ушла.

Никто так с ним не разговаривал. Даже не с ним — мимо него, сквозь него, как будто его статус не имел значения для того что она думала вслух.

Он допил кофе. Вернулся в кабинет. Сел за отчёт.

За окном начало темнеть раньше времени.

К десяти Катя закончила всё до первого этажа.

Семёныч сидел за стойкой с видом человека который мужественно дотерпел до конца смены и теперь заслуживает медаль.

— Всё?

— Всё.

— Слушай. — Он поднялся, виноватый. — Жена звонила. Труба потекла, сантехник едет. Мне бы надо.

— Идите, Семёныч.

— Тут уже никого.

— Вижу. Идите.

Он ушёл с облегчением человека которому разрешили. Катя накинула куртку, закинула сумку на плечо, взялась за ручку тележки — и полезла в карман за ключами.

Пусто.

Она проверила второй карман. Сумку. Карманы форменных брюк. Внутренний карман куртки. Снова сумку — уже без надежды, просто для протокола.

Ключей не было.

Катя стояла посреди пустого холла и методично восстанавливала в памяти последние три часа. Восьмой этаж. Переговорная. Она переставляла тележку, ставила сумку на подоконник — и ключи скорее всего выпали именно тогда. Лежат там. Холодные. Ждут.

— Отлично, — сказала она вслух.

Нажала кнопку лифта.

Восьмой этаж встретил её дежурным освещением и тишиной. Катя вошла в переговорную — темно, нашла подоконник на ощупь, провела рукой. Есть. Ключи лежали ровно там где она и думала, холодные и совершенно равнодушные к тому что она ради них проехала восемь этажей туда и теперь обратно.

Она убрала их в карман, вышла в коридор, нажала кнопку лифта.

И в этот момент здание вздрогнуло.

Не метафорически — физически. Низкий удар грома такой силы что стёкла в коридоре отозвались дрожью, и сразу за ним снаружи полыхнуло белым — длинная слепящая вспышка, на секунду ночь стала днём. Потом свет в коридоре мигнул. Раз. Два. И переключился на резервный — тусклый, жёлтый, аварийный.

Лифт не ответил.

Катя нажала кнопку ещё раз. Ещё. Панель не светилась — ни одной цифры, ни одного огонька. Она пошла к лестнице в конце коридора, толкнула дверь.

Заперто.

Автоматика при аварийном отключении. Она читала про это в регламенте объекта — изучала перед первой сменой, потому что изучать регламенты это тоже старый рефлекс — и не думала что окажется по ту сторону этого пункта.

Телефон. Одно деление, нестабильно. Семёныч — гудки, гудки, тишина. Тётя Зина — то же самое. За окнами хлестал ливень, гроза накрыла всё и работала методично — перекрывала варианты один за одним, как хороший аналитик на совещании которое идёт не по плану.

Катя стояла на восьмом этаже в резервном освещении, с ключами в кармане — нашла, между прочим, нашла — с тележкой у стены и полным отсутствием способов отсюда выбраться.

— Отлично, — сказала она в темноту. Тихо, почти себе. — Просто отлично.

— Согласен, — ответил голос.

Катя обернулась.

Он стоял у окна в дальнем конце коридора — пиджак исчез окончательно, рукава закатаны, телефон в руке, смотрит в экран. Судя по выражению лица — тоже без связи. Стоял спокойно, как человек который принял ситуацию и ждёт следующего шага. Не нервничал. Не суеутился. Просто стоял и смотрел в окно на грозу.

За стеклом снова полыхнуло — длинная белая вспышка — и его лицо на секунду оказалось как на фотографии. Чёткое. Резкое. Абсолютно невозмутимое.

Тот самый тип.

— Связи нет, — сказал он.

— Я заметила.

— Лестница заперта.

— Тоже.

Катя смотрела на него через тёмный коридор. Думала о том что из всех возможных людей застрять с грозу — именно он. Человек который за два дня умудрился её разозлить даже не стараясь. Человек которому она только что сказала что-то лишнее на кухне и который — она видела — это поймал.

— И что теперь? — спросила она.

— Ждём. — Он убрал телефон в карман. — Других вариантов пока нет.

— Ждём, — повторила она. — Отлично.

— Вы часто разговариваете сами с собой?

— Только когда рядом никто не предлагает ничего лучше.

Пауза. Он смотрел на неё — в темноте, через половину коридора, с тем же спокойным выражением которое она до сих пор не умела читать.

— Максим, — сказал он.

Катя подняла взгляд.

— Что?

— Меня зовут Максим. Раз уж мы застряли.

Она смотрела на него секунду. Потом вторую. Он уже подумал, что она не ответит, когда она сказала:

— Катерина.

За окном снова ударил гром — длинный, раскатистый. Катя стояла с ключами в кармане и тележкой у стены и смотрела на человека который знал её имя. Который остался в офисе последним. Который только что смотрел на неё как на человека а не как на тележку с приложением.

Что-то маленькое и необратимое только что произошло.

Она пока не знала что именно — но «временно» в голове прозвучало уже немного иначе.

Если вам нравится офисная романтика - обязательно загляните в **«Невидимку для босса»**. Мой босс ненавидит охотниц за деньгами... и поэтому на собеседование вместо меня идет мамина подруга!

Глава 3. Гроза и никакой связи

— Сейчас разберёмся, — сказал Максим тоном человека, привыкшего, что мир подчиняется.

Катя медленно повернулась к нему. Оперлась на тележку, скрестила руки.

— «Разберёмся» — это хорошо. А можно чуть конкретнее? Прямо сейчас, пока мы тут стоим в полной темноте, у вас есть план или просто вера в силу воли?

Он даже не обернулся. Уже шёл по коридору — быстро, жёстко.

— Протокол автоматической блокировки, — бросил через плечо. — Система закрывает периметр при скачках напряжения. Сейчас включают резерв.

— О, резерв. — Катя кивнула с серьёзным лицом. — Это обнадеживает. А резерв, он с нами в одной комнате или тоже заблокирован?

— Вы всегда язвите, когда не понимаете, о чём речь?

— Я не язвлю, я уточняю. Хочу понять, есть ли у нас шанс выбраться до утра или вы просто тренируетесь в беге.

Максим дёрнул дверь к лестнице. Закрыто. Проверил лифт — панель тёмная. Набрал номер — тишина.

Он посмотрел на телефон, будто надеялся, что тот просто шутит.

— Связь не ловит, — сообщил он в пространство.

— Я догадалась. Вы сейчас будете сообщать мне очевидное каждые пять минут или сразу перейдём к конструктиву?

Он резко обернулся.

— Вы всегда такая?

— Всегда. Но обычно люди имеют возможность уйти. А вы, видимо, нет.

Он сжал челюсть и снова пошёл по коридору. Проверил ту же дверь. Потом серверную. Потом пожарный выход.

Катя не двигалась. Стояла, прислонившись к тележке, и наблюдала.

— Вы уже проверяли эту дверь, — сказала она, когда он в третий раз подошёл к лестнице.

— Я проверю ещё раз.

— Она не откроется. Она заперта. Электронно. Механически. И морально. Она против вас.

— Я не собираюсь просто сидеть.

— А я и не предлагаю сидеть. Предлагаю не бегать, но видимо, у вас тренировка.

Он остановился. Подошёл ближе. Вплотную.

— Ещё одна реплика — и я перестану быть вежливым.

Катя моргнула. В его голосе появилось что-то, чего не было раньше. Холод. Точная формулировка.

— Ого, — сказала она спокойно. — А вы умеете быть страшным. Я уже начала сомневаться.

Он смотрел на неё в упор. Тяжёлым взглядом.

Катя выдержала.

— Но дверь выбить все равно не получится, — добавила она. — Во-первых, она металлическая. Во-вторых, вы в костюме за тысячу баксов. Испачкаетесь.

Громыкнуло так, что стекло дрогнуло.

Максим на секунду замер. Едва заметно.

Катя заметила.

Он снова прошёл к серверной. Дёрнул ручку. Бесполезно.

— Вы правда думаете, что охрана оставила нам секретную кнопку? — лениво спросила она. — Или, может, потайной ход?

— Я думаю, что выход есть всегда.

— О, какая мотивационная цитата. Вы случайно не пишете рассылки для персонала?

Максим посмотрел на неё. В глазах — смесь бешенства и чего-то ещё.

— Вы могли бы помочь, — сказал он жёстко.

— Я помогаю. Я фиксирую бессмысленные действия. Это важно для статистики. Потом, когда нас найдут, я напишу отчёт: «Объект совершил пять кругов по этажу, проверил четыре двери, дернул ручку серверной три раза. Результат — ноль».

Он подошёл ближе. Слишком близко. Между ними — полметра.

— Вы ничего не делаете.

— Я делаю выводы. Это не требует движения. Экономия калорий. Советую попробовать.

— Из чего вы делаете выводы?

— Из того, что здание пустое. Связи нет. Магниты закрыты. Протоколы работают автоматически. Нас откроют, когда гроза закончится. Это не выводы, это констатация. А вывод — что ваша беготня ничего не изменит, кроме пульса.

Он замолчал. Смотрел на неё.

Она улыбнулась.

— Садитесь. Берегите колени. Завтра ещё понадобятся — бегать по этажам.

— Я не собираюсь сидеть.

— А я не собираюсь смотреть, как вы делаете пятый круг. У меня от этого рябит в глазах.

Пауза.

Он действительно сделал пятый круг.

Катя тихо фыркнула. Полезла в тележку, достала печенье, откусила кусок. Жевала и смотрела, как он идёт по коридору.

— Упрямство — это не стратегия, — сказала она вслух.

— Лучше, чем пассивность, — донеслось из конца коридора.

— Это не пассивность. Это анализ. Анализ — когда вы смотрите на ситуацию, понимаете, что повлиять не можете, и ждёте. Экономите энергию. Вам бы пригодилось.

Он остановился. Подошёл. Сел на подоконник напротив. Устал.

— Дайте сюда, — кивнул на печенье.

Она протянула пачку. Он взял. Откусил.

— Съедобно, — сказал он.

— Для вас это высшая похвала.

Он посмотрел на неё. Без злости. Просто посмотрел.

— Вы аналитик?

— Бывший.

— И что случилось?

— Жизнь случилась. А вы?

— Я?

— Кто вы? Помощник помощника? Не похожи.

— На кого похож?

— На человека, который привык командовать. У вас взгляд такой... хозяйский. — Она помолчала. — Но не доросли ещё. Бегаєте сами, значит, ставки маленькие. Хотя костюм дорогой. Копите на повышение?

Он усмехнулся.

— Вроде того.

— Ну да, — она пожала плечами. — Я часто ошибаюсь. Раз в пять лет где-то.

Громыкнуло сильно. Близко.

Максим дёрнулся. Чуть-чуть. Пальцы сжали подоконник.

Катя заметила. Промолчала.

Вместо этого сказала:

— Гроза сильная. Но откроют нас быстро. Максимум часа два.

Он выдохнул.

— Оптимистично.

— Я вообще оптимистка. Пессимисты долго не живут.

Гром снова. Он сжал пальцы, но удержал лицо.

— Кстати, — сказала Катя, глядя в окно. — У вас на пятом этаже странная атмосфера.

— В каком смысле?

— Люди напряжённые. Даже когда уходят, оставляют скомканные бумажки, недопитый кофе. В маркетинге веселее. Там рисунки на флипчартах. А у вас наверху — как в приёмной у стоматолога.

Он посмотрел на неё пристально.

— Вы делаете выводы по мусору?

— Мусор — лучший источник данных. Люди расслабляются, когда думают, что никто не видит. И выбрасывают то, что на самом деле думают.

— И что выбрасывают сотрудники?

— Много кофейных стаканчиков. Значит, много работают. Или нервничают. Скомканные списки задач. Значит, не успевают. Коробки от успокоительного. Я видела в корзине на четвёртом.

Он усмехнулся.

— Хотите сказать, что в компании всё плохо?

— Я ничего не хочу сказать. Я просто делюсь наблюдениями.

— Наблюдательная.

— Это работа.

Гром. Снова близко.

Максим стиснул зубы.

Катя посмотрела на него. Помолчала. Потом сказала:

— Знаете, что самое сложное в клининге?

— Просвещайте.

— Логистика. Если её не выстроить — хоть три раза мой, всё равно будет грязно. Люди заходят, оставляют следы, приносят грязь с улицы. Можно драить каждый час, но если нет системы — результата не будет.

Она говорила о потоках, о зонах загрязнения, о том, как поведение людей влияет на чистоту.

Максим слушал. И понимал, что она делает это специально. Говорит, чтобы заполнить тишину. Чтобы он слышал голос, а не гром.

Это бесило. Потому что он не привык, чтобы его отвлекали от слабости. И потому что это работало.

— ...поэтому я всегда говорю тёте Зине: нам нужен не дополнительный персонал, а нормальный анализ проходимости. Но она говорит: «Катя, люди не любят, когда за ними следят». А я говорю: «За ними и так следят, просто плохо».

Она замолчала. Посмотрела на него.

— Вы слушаете?

— Да, — ответил он.

И понял, что правда слушал.

Гром снова. Но дальше.

Максим выдохнул.

— Вы правда аналитик, — сказал он.

— Бывший, — поправила она.

— Почему бывший?

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Длинная история. Не для первой ночи знакомства.

— А для какой?

— Для десятой. Или ни для какой...

Она отвернулась к окну.

В этот момент аварийное освещение включилось. Тусклое, жёлтое, дающее ровно столько света, чтобы видеть лица, но не больше. За окнами по-прежнему было темно. Здание оставалось заблокированным.

— О, — сказала Катя. — Прогресс. Теперь мы видим друг друга.

— Это проблема?

— Зависит от того, как вы выглядите при свете.

— Разочарованы?

— Пока нет.

Они сидели в полуметре друг от друга. Она — на полу, прислонившись к тележке. Он — на подоконнике.

— Максим, — сказала она.

— Что?

— А вы правда боитесь грозы?

Он молчал долго.

— Нет.

— Врёте.

— Вам кажется.

— Я вижу.

— Вы слишком много видите.

— Это проблема?

— Для вас — может быть.

Она усмехнулась.

— Угрожаете?

— Предупреждаю.

— Мило.

Она потянулась за печеньем, и в этот момент он тоже двинулся — их руки столкнулись. Случайно. На секунду.

Его пальцы коснулись её запястья.

Она замерла.

Он замер.

Секунда.

Две.

Она смотрела на его руку. Он — на неё.

Потом она отдернула ладонь первой.

— Извините, — сказала она. Голос чуть сел.

— Ничего.

Пауза. Тяжёлая. Густая.

Он смотрел на неё. Она смотрела в пол.

Она подняла глаза.

Он смотрел на неё в упор. Не отводил взгляд.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Он чуть наклонился ближе. — Просто смотрю.

— На что?

— На человека, который не боится.

— Я боюсь. Просто умею прятать.

— Научите меня.

— Дорого стоит.

— Договоримся.

Она смотрела в его глаза. В них было что-то, чего она не ожидала. Не злость. Не раздражение. Интерес.

Слишком близко.

Слишком тихо.

Слишком...

Громыкнуло сильно — прямо над крышей.

Максим вздрогнул. Резко.

Катя моргнула.

И в этот момент он усмехнулся.

— Чёрт, — сказал он. — Ты права. Бесит.

Она приподняла бровь.

— О, мы уже на ты?

— Не привыкай, — огрызнулся он, но тут же, помолчав, добавил сквозь зубы: — И... спасибо.

— За что?

— За то, что не спросила. — Он отвернулся к окну.

Гром уходил. Становилось тише.

— Я не спрашиваю. Я просто сижу рядом.

— Это одно и то же.

Он посмотрел на неё. Долго.

Потом отвёл взгляд.

— Сколько времени?

— Около одиннадцати.

— До утра ещё долго.

— Испугались?

— Вас — начинаю.

Она улыбнулась.

— Прогресс.

За окнами шумел дождь.

Они сидели в тусклом свете аварийных ламп.

До утра было ещё очень далеко.

Глава 4. Дебош

После того как гроза ушла, стало тихо.

Неудобно тихо.

Катя сидела на полу у стены, прислонившись спиной к тележке, и смотрела в потолок. Максим вернулся на подоконник. Между ними было полтора метра и то, о чём оба не говорили.

Касание. Взгляд. «Вас — начинаю».

Катя мысленно выдала себе строгий выговор. За касание — не уклонилась вовремя. За взгляд — не отвела сразу. За то, что до сих пор помнит, как выглядели его руки на подоконнике. Руки как руки. Ничего особенного. Просто руки человека, который за два дня умудрился её разозлить, не стараясь.

Она переложила ноги. Зевнула нарочито громко.

— Как вы думаете, — сказала она в потолок, — у вашего генерального есть в кабинете диван?

— Почему вы спрашиваете у меня?

— Ну, вы же помощник помощника. Должны знать планировку.

— Не в моей зоне ответственности.

— Жаль. Я бы поспала пару часов. — Она повернула голову в его сторону. — У вас есть зона ответственности вообще?

— Есть.

— И что в неё входит?

— Сейчас — терпеть вас.

— О. — Катя кивнула серьёзно. — Тяжёлая работа. Сочувствую.

Он посмотрел на неё. В темноте, при аварийном освещении, его лицо было резким — тени под скулами, прямой взгляд. Она снова отвернулась к потолку.

— Кстати, — сказала она. — Вы знаете, что у вас на третьем этаже маршрут уборки выстроен неправильно?

— Я не занимаюсь уборкой.

— Правда? А я думала, вы тут всем занимаетесь. Такой деловой вид.

— Катерина.

— Что?

— Помолчите.

— Не могу. Я думаю вслух. Это рабочая травма.

Он выдохнул. Медленно. Так выдыхают люди, которые умеют держать лицо, но держат его уже восемь часов подряд и немного устали.

— Так вот, — продолжила она, — на третьем маршрут начинается с туалетов и заканчивается переговорной. Это в корне неверно. Нужно наоборот. Переговорная утром — первое что видят люди. Если там грязно, всё остальное не имеет значения. Первое впечатление, всё такое.

— Вы пришли сюда убирать или читать лекции?

— Совмещаю. Многозадачность.

— Потрясающе.

— Не сарказм, надеюсь? — Она повернула голову. — Многозадачность — это навык. Не у всех есть.

— Вы намекаете, что у меня нет?

— Я ничего не намекаю. Я прямо говорю: человек, который за ночь пять раз проверил одну дверь, немного застрял на однозадачности.

— Я проверял двери, потому что искал решение.

— Вы повторяли одно действие, ожидая другого результата. Это называется иначе. Пауза.

— Катерина.

— Максим.

— Вы невыносимы.

— Это комплимент?

— Нет.

— Звучит как комплимент.

Он встал. Резко. Прошёл к окну — дождь почти прекратился, небо за стеклом из чёрного стало тёмно-синим. Катя смотрела на его спину. Прямую, напряжённую. Человек, которому некуда деть руки.

— Так вот, — сказала она спокойно, — насчёт третьего этажа. Если хотите, я могу написать правильный маршрут. Чисто теоретически. Мне всё равно делать нечего.

— Вы серьёзно?

— У меня есть бумага и маркер. Восемь часов до утра. Почему нет.

— Потому что это не ваша работа.

— А чья? Ваша?

Он обернулся.

— Это работа управляющего зданием.

— Который, судя по маршруту, об этом не подозревает. — Она пожала плечами. — Я просто говорю. Можете не слушать.

— Я и не слушаю.

— Слушаете. Иначе бы не отвечали.

Он смотрел на неё долгим взглядом.

— Вы аналитик, который работает уборщицей, — сказал он медленно. — Это не кажется вам... расточительным?

Катя помолчала.

— Кажется, — сказала она ровно. — И что?

— И ничего. Просто наблюдение.

— Ваши наблюдения мне не нужны.

— Тогда мы квиты. Ваши советы по уборке — мне.

Тишина. Другая — острая, как после точного удара.

Катя встала. Отряхнула форменные брюки. Взяла маркер из тележки и пошла в переговорную.

Флипчарт стоял у дальней стены — большой, белый, с надписью поверху: *«Наши ценности: эффективность, синергия, результат»*.

Катя уставилась на это несколько секунд.

— Синергия, — сказала она вслух. — Серьёзно.

Она открыла маркер. Под «эффективностью» написала: *«= люди, которые не боятся говорить правду»*.

Под «синергией»: *«= когда два умных человека не мешают друг другу»*.

Под «результатом»: *«= то, что остаётся после того, как слова закончились»*.

Посмотрела. Кивнула. Это уже лучше.

— Что вы делаете?

Максим стоял в дверях переговорной. Смотрел на флипчарт.

— Улучшаю корпоративную культуру, — сообщила Катя. — Бесплатно. В нерабочее время. Можете поблагодарить.

— Это чужая собственность.

— Это маркер на водной основе. Смоется.

— Это не меняет—

— Максим. — Она повернулась. — Сейчас три часа ночи. Нас тут нет официально. Завтра никто не узнает. — Пауза. — Или вы будете жаловаться генеральному, что уборщица написала правду на его флипчарте?

Он смотрел на неё.

Потом зашёл в переговорную. Взял второй маркер — красный, который лежал в лотке под флипчартом. Перевернул страницу.

— Ваши ценности неточные, — сказал он.

— О. — Катя приподняла бровь. — Критика принята. Предлагайте своё.

Он написал. Крупно, быстро, без раздумий — как человек, у которого мысли давно сформулированы, просто никогда не было места их написать:

«Эффективность = делать меньше, но правильно». «Синергия = слово, которое используют, когда не могут объяснить зачем нужны оба». «Результат = единственное, что имеет значение. Остальное — декорации».

Катя читала через плечо.

— «Остальное — декорации», — повторила она. — Это про людей тоже?

Он на секунду остановился.

— Нет.

— Звучит так.

— Я имею в виду процессы.

— Люди и есть процессы. — Она взяла синий маркер. — Вот смотрите.

Она перевернула ещё одну страницу и начала рисовать схему — быстро, уверенно, как рисуют что-то, что давно живёт в голове. Узлы, связи, стрелки. Он смотрел.

— Это ваша компания, — сказала она. — Примерно. Три уровня решений, два из которых декоративные. Вот здесь — настоящий центр. Вот здесь — где все думают что центр. Видите разницу?

Он смотрел на схему. Молчал.

— Вы это нарисовали по наблюдениям за два дня, — сказал он наконец.

— За три смены. Люди много говорят, когда думают что их не слушают.

— И что они говорят?

— Что бояться. Не вас конкретно — ситуации. Ощущения что любое слово не туда будет стоять работы. — Она закрыла маркер. — Это неэффективно, кстати. Люди которые бояться — не думают. А вам нужны люди которые думают. Иначе зачем они вам.

Он смотрел на схему.

— Вы это всё поняли по мусорным корзинам.

— И по тому как люди ходят. И как молчат на совещаниях. — Она пожала плечами. — Я хорошо читаю пространство. Работа такая.

— Бывшая работа.

— Бывшая.

Он взял красный маркер. Молча добавил к её схеме одну стрелку — туда, куда она не дотянула. Точно. Правильно.

Катя посмотрела на стрелку. Потом на него.

— Вы не помощник помощника, — сказала она.

— Нет?

— Нет. Помощники не рисуют такие стрелки.

— Амбициозный менеджер. — Он убрал маркер в лоток. — Старший. Хочу выше.

— А. — Она кивнула. — Понятно.

Это объясняло стрелку. Объясняло взгляд — хозяйский, она сразу заметила. Объясняло то, как он ходил по этажу, как говорил. Амбициозный старший менеджер. Бывает. Она таких видела.

— Что у вас в тележке на перекус ещё есть? — спросил он.

— Есть батончик и половина яблока.

— Давайте батончик.

Примерно в половине четвёртого Катя сказала что-то про неэффективность — что именно, она потом не могла вспомнить точно. Что-то про то, как принимаются решения на этом этаже. Что-то справедливое и, судя по его лицу, раздражающее.

Максим встал.

Молча подошёл к тележке. Катя смотрела как он изучает её содержимое с видом человека, читающего инструкцию к незнакомому прибору. Взял швабру. Посмотрел на неё. Посмотрел на пол.

Начал мыть.

Катя открыла рот. Закрыла.

Он мыл пол. В костюме. В четыре утра. Правильными движениями — не идеально, но не так чтобы совсем мимо. С лицом человека, выполняющего важнейшую стратегическую задачу государственного масштаба.

— Что вы делаете, — сказала она. Не вопрос — констатация потрясения.

— Очевидно.

— Это не очевидно. Совсем.

— Вы весь вечер объясняете мне как правильно делать мою работу. — Он не поднял взгляда. — Я решил сделать вашу. Посмотрим у кого лучше получается.

— Это... — Катя смотрела на него. — Это не месть, это просто странно.

— Профессиональный интерес.

— У вас костюм за тысячу долларов.

— Смоется.

Он провёл шваброй под стулом. Методично. Серьёзно. Катя смотрела на это секунду, потом ещё — и почувствовала как что-то внутри начинает предательски дёргаться в сторону смеха.

— Вы держите швабру неправильно, — сказала она, когда смогла говорить ровно.

— Покажите.

— Что?

— Покажите как правильно. Раз уж учите.

Она подошла. Поправила его руки — выше, вот так, локоть иначе. Он смотрел на её руки. Она смотрела на его руки. Между ними было двадцать сантиметров и швабра.

— Вот, — сказала она и отступила. — Теперь правильно.

Он попробовал. Получилось лучше.

— Удовлетворительно, — сказала Катя.

— Отлично, — поправил он.

— Удовлетворительно.

— Для первого раза — отлично.

Она смотрела как он мыл пол в дорогом костюме с совершенно серьёзным лицом — и всё-таки засмеялась. По-настоящему, не сдерживая. Он покосился на неё.

— Что?

— Ничего, — сказала она. — Просто смотрю.

— На что?

— На амбициозного менеджера, который моет пол в четыре утра.

— Расширяю компетенции.

— Это точно.

Таблички они начали менять в половине четвёртого. Это была идея Кати — она смотрела на дверь с надписью «Отдел кадров» и сказала: «Знаете что здесь написано неправильно?»

— Что? — спросил Максим. Он сидел на столе в переговорной и ел батончик с видом человека, который никогда в жизни не сидел на столах и сейчас пересматривает эту позицию.

— «Кадров» неправильно. Слишком официально. Надо честнее.

Она сняла табличку. Достала из кармана кусок малярного скотча — в тележке было всё — и приклеила поверх листок с надписью: «*Отдел судеб*».

Максим посмотрел. Встал. Подошёл.

— Громко, — сказал он.

— Зато точно.

— Точно, — согласил он. — Но громко.

Он взял листок. Зачеркнул «судеб». Написал рядом: «*Отдел неловких разговоров*».

Катя посмотрела.

— Лучше, — сказала она.

— Я знаю.

Они шли по коридору. Катя отклеивала таблички, Максим писал новые — быстро, точно. «Переговорная № 1» стала «Комнатой, где говорят одно, а думают другое». «Комната отдыха» — «Местом, где притворяются что отдыхают». «Архив» — «Местом, куда прячут то, о чём не хотят думать».

На этой Катя остановилась.

— Это про что вы? — спросила она.

— Про архив.

— Конкретнее.

Он посмотрел на неё. Секунду.

— У каждой компании есть решения, которые не хотят пересматривать. Их кладут в архив и делают вид что их нет.

— И у вашей?

— У всех.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть в четыре утра.

Катя смотрела на него. Что-то в его голосе было другим — не злым, не холодным. Усталым. Настоящим.

— Ладно, — сказала она. — Принято.

Они дошли до кабинета директора по развитию. Максим снял табличку. Написал: «*Отдел оптимизма*». Прикрепил. Отошёл. Посмотрел.

— Почему оптимизма? — спросила Катя.

— Потому что там всегда обещают больше, чем делают. Это требует либо глупости, либо большого оптимизма. У них — второе. Я проверял.

Катя усмехнулась.

— Вы всё-таки не помощник помощника.

— Амбициозный менеджер, — повторил он. — Я же сказал.

Она не верила. Он знал, что она не верит. И ни один из них не двигался с места.

Кресло они нашли в дальней переговорной — большое, на колёсиках, явно чьё-то любимое. Катя посмотрела на него. Потом на длинный коридор.

— Нет, — сказал Максим.

— Я ничего не сказала.

— Вы смотрите на кресло как на спортивный снаряд.

— Просто оцениваю инвентарь.

— Катерина.

— Максим.

— Мы взрослые люди.

— Именно поэтому. — Она уселась в кресло, оттолкнулась ногой от стены и поехала по коридору. Медленно. Торжественно. — Видите? Солидно. По-взрослому.

Он смотрел ей вслед.

— Вы сейчас едете по чужому офису в кресле в четыре утра.

— Верно, — донеслось из конца коридора. — Хотите попробовать?

— Нет.

— Точно нет?

— Абсолютно.

Катя развернула кресло и приехала обратно.

— Зря, — сказала она. — Терапевтический эффект.

— Мне не нужна терапия.

— Всем нужна терапия. Некоторые просто не знают.

Она выбралась из кресла. Максим смотрел на него секунду. Потом — она готова была поклесться — покосился в сторону коридора.

— Не смотрите так, — сказала Катя серьёзно.

— Как?

— Как будто считаете метры.

— Я не считаю метры.

— Конечно нет.

Он сел в кресло. Оттолкнулся. Проехал по коридору — ровно, прямо, с совершенно невозмутимым лицом человека, который просто перемещается из точки А в точку Б, просто делает это сидя и на колёсах.

Катя молча смотрела ему вслед.

Потом он развернулся. Приехал обратно. Встал. Одёрнул пиджак.

— Ничего особенного, — сказал он.

— Конечно, — согласилась она.

В половине пятого они сидели на полу переговорной.

Не потому что договорились. Просто закончились стулья — то есть стулья были, но оба как-то оказались на полу, и никто не стал это комментировать. Катя ела последнее печенье. Максим смотрел на флипчарт. На её схему.

Он достал телефон. Посмотрел на схему. Сфотографировал — быстро, пока она смотрела в другую сторону, пока жевала печенье и думала о чём-то своём.

Убрал телефон.

— Вы долго это разрабатывали? — спросил он.

— Что?

— Систему. — Он кивнул на схему. — Это не экспромт. Это структура, у которой есть история.

Катя посмотрела на флипчарт. Помолчала.

— Два года, — сказала она. — Примерно.

— Это большой срок.

— Для некоторых вещей — нет.

Помолчали.

— Батончик кончился, — сообщила Катя. — Это всё что у меня есть, если не считать одного пакетика чая без кипятка.

— Потерпим.

— Легко говорить. — Она вытянула ноги. — Вы когда-нибудь ходите пешком?

— В смысле?

— Просто ходите. Не из точки А в точку Б. Просто так.

Он подумал.

— Нет.

— Зря. Многое видно, когда не торопишься.

— У меня нет времени не торопиться.

— У всех нет времени. Это не аргумент, это отговорка.

Он посмотрел на неё.

— Вы всегда такая прямая?

— Всегда. Некоторым не нравится.

— Мне нравится, — сказал он.

И не стал делать вид что не сказал.

Катя посмотрела на него. Не быстро — внимательно, как смотрят когда проверяют: случайность это или нет. Он не отвёл взгляд. Не поправил. Не переключился на другую тему.

За окном небо начинало сереть — не светало ещё, просто темнота становилась чуть менее абсолютной. Где-то далеко прошла первая машина.

— Скоро утро, — сказала она.

— Да.

Она не отвернулась. Он не встал. Между ними было меньше метра и вся эта ночь — флип-чарт, швабра, таблички, два года работы нарисованные маркером, его стрелка в углу схемы — всё это висело в воздухе и никуда не девалось.

— Максим.

— Что.

Она не договорила. Просто посмотрела на него — и он понял что она имеет в виду, потому что думал о том же последние полчаса и честно пытался не думать.

Он потянулся к ней первым.

Он потянулся к ней первым.

Не быстро — медленно, давая время отстраниться, сказать «нет», сделать вид что она не понимает. Катя смотрела на его руку — обычную руку, которая за эти часы успела поддержать швабру, написать маркером «Отдел неловких разговоров» и теперь тянулась к её лицу так, будто это единственное важное действие за всю ночь.

Она не отстранилась.

Его пальцы коснулись её щеки — осторожно, почти невесомо. Провели по скуле, замерли у подбородка. Катя смотрела в его глаза — там было что-то, чего она не видела раньше. Не усталость. Не раздражение. Другое. Тёплое и очень настоящее.

— Катерина, — сказал он тихо.

— Что?

Вместо ответа он наклонился и поцеловал её.

Медленно. Без спешки. Будто пробовал на вкус то, о чём оба молчали последние полчаса. Его губы были тёплыми, чуть шершавыми — и от этого по телу прошла дрожь, которую она не смогла сдержать.

Катя ответила. Сама не заметила как — просто руки вдруг оказались на его плечах, пальцы сжали ткань рубашки, притягивая ближе. Он выдохнул ей в губы — коротко, почти неслышно, но она услышала. И почувствовала, как внутри всё переворачивается.

Поцелуй стал глубже. Его руки скользнули по её спине, прижимая к себе — и между ними не осталось расстояния. Только тепло, только дыхание, сбившееся и частое, только этот странный полумрак переговорной и свет за окном, который начинал сереть.

Катя чувствовала его пальцы на своей талии — горячие даже сквозь ткань формы. Чувствовала, как он дышит — не ровно, как раньше, а так, будто тоже теряет контроль. И это было страшнее всего.

Потому что когда человек, который всегда держит лицо, перестаёт его держать — это значит что-то настоящее.

Она провела ладонью по его волосам — они оказались мягче, чем казались. Он замер на секунду, потом поцеловал её снова — жаднее, глубже, почти отчаянно. И Катя ответила так же — не думая о том, что будет утром, не считая последствий. Просто потому что этой ночью всё было по-другому.

Их тела сами нашли положение — она прижата спиной к стене, он нависает сверху, но не давит, не требует. Спрашивает каждым движением: можно? Она отвечала касаниями — да.

В какой-то момент она открыла глаза. Он смотрел на неё — сверху вниз, с этим новым, тёплым выражением, от которого у неё внутри всё сжималось.

— Максим, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он. — Потом.

И поцеловал её — так, что слова стали не нужны.

Потом они молчали.

Долго. Катя смотрела в потолок. Максим лежал рядом, закрыв глаза, и дышал ровно — она не была уверена спит он или нет.

За окном небо из тёмно-синего становилось серым. Потом — почти белым у горизонта.

Катя думала о том что это была катастрофически плохая идея. Думала об этом спокойно, без паники — как думают про вещи которые уже случились и отменить которые невозможно. Плохая идея. Очень. Амбициозный менеджер с чужого этажа, случайная ночь, гроза и автоматика которая сломалась в неподходящий момент.

Она покосилась на него.

Он не спал. Смотрел в потолок с тем выражением с которым смотрят когда думают о чём-то конкретном и не хотят это показывать.

— Это была плохая идея, — сказала она.

— Вероятно, — сказал он.

— Мы даже не знакомы нормально.

— Это правда.

— Нас закрыло грозой.

— Тоже правда.

— Это ничего не значит.

Пауза.

— Катерина.

— Что.

— Вы убеждаете меня или себя?

Она ничего не ответила. Он тоже больше ничего не сказал. Они лежали рядом в пустой переговорной, и за окном светало, и ни один из них не двигался с места — не потому что не могли, а потому что почему-то не хотели.

Катя закрыла глаза. Просто на минуту. Просто чтобы не смотреть в потолок.

Лифт открылся с характерным звуком — механическим, бодрым, совершенно неуместным в шесть утра.

Катя дёрнулась. Открыла глаза.

Потолок переговорной. Серый утренний свет. И — она это поняла раньше чем успела не понять — она лежала, прижавшись к его плечу. Его рука была у неё на волосах. Оба заснули.

Она не двигалась секунду.

Потом двигалась — очень быстро. Села, отодвинулась, поправила волосы, уставилась на флипчарт с видом человека у которого здесь исключительно рабочие вопросы.

В коридоре — голоса. Семёныч. Кто-то ещё.

Максим открыл глаза. Посмотрел в потолок. Потом — на неё.

Катя смотрела строго вперёд.

— Доброе утро, — сказала она нейтральным голосом человека который просто сидел в переговорной и совершенно ничего не делал.

— Доброе, — сказал он таким же голосом.

Пауза.

— Это всё ещё ничего не значит, — сказала она.

— Разумеется, — сказал он.

Оба смотрели на флипчарт с надписью «Результат = то, что остаётся после того, как слова закончились».

Формулировка сейчас звучала несколько двусмысленно.

Глава 5. Утро

Катя доехала до дома в половине девятого.

В метро было людно — обычное утро, обычные люди с кофе и наушниками, все выпавшиеся, все с планами на день. Катя сидела в своей куртке — переоделась в раздевалке перед выходом — и смотрела в тёмное стекло напротив.

Думала про маму. Надо позвонить сегодня, узнать как давление. Надо купить нормальной еды — холодильник пустой уже третий день, это безобразие. Надо поспать хотя бы часов пять, потому что вечером опять смена и приходиться разбитой непрофессионально.

На какой-то станции — она не заметила на какой — мелькнула мысль про ночь.

Про флипчарт, про таблички, про то как он мыл пол с лицом человека, решающего государственную задачу.

Про то, как он поцеловал её в первый раз — медленно, будто пробовал на вкус. Про его руки на своей талии — горячие даже сквозь ткань формы. Про то, как он смотрел на неё в темноте, когда всё уже случилось — и в этом взгляде не было ни холода, ни той надменности, с которой он ходит по офису.

Мелькнула. Ушла.

Катя посмотрела на схему метро над дверьми. Ещё две станции.

Надо купить яиц...

Дверь она открыла своим ключом — и сразу почувствовала запах борща.

Это было неожиданно, потому что сегодня ночью в приступе безумной мотивации борщ она не варила. И вчера не варила. И вообще вроде бы никогда не варила. Она даже не знала, есть ли у неё кастрюля, способная на такой подвиг.

— Теть Зина? — сказала она в прихожую.

— Разувайся, — донеслось с кухни. — Я только зашла.

Катя разулась. Из-за угла вылетел Пуговка — пушистый, совершенно невменяемый от счастья — и немедленно бросился на неё так, будто она уходила не на смену, а в кругосветное путешествие лет на пять.

— Пуговка. Тихо.

Пуговка не тихо. Пуговка лизал её в нос и тряс хвостом с частотой, которую наверное можно было использовать для выработки электроэнергии. Катя присела, потрепала его по ушам, и на секунду в голову снова ворвалось — его пальцы, перебирающие её волосы. Тёплые. Уверенные.

Она тряхнула головой. Прогнала.

На кухне тётя Зина стояла у плиты с видом человека, который просто мимо проходил и случайно сварил борщ. На столе стояли две тарелки, хлеб и контейнер, из которого явно что-то уже было взято.

— Ты была у мамы, — сказала Катя.

— Заехала с утра. — Зина не обернулась. — Садись.

— Как она?

— Лучше. — Пауза. — Врач говорит, недели через две переведут из реанимации. Давление стабилизировалось.

Катя опустила Пуговку на пол. Тот немедленно потрусил к своей миске — явно уже знал, где она, не первый раз в гостях.

— Она что-нибудь передавала?

— Сказала, чтобы ты не звонила каждый день, ты её нервируешь. — Зина поставила тарелку перед ней. — И сказала, чтобы ты нормально ела.

— Она в реанимации и думает о том, чтобы я нормально ела.

— Она твоя мама. Это её работа.

Катя смотрела на борщ. Борщ был настоящий — со сметаной, с хлебом, горячий. Она не помнила, когда последний раз ела горячее.

— Спасибо, тётя Зина.

— Ешь давай.

Катя взяла ложку. Попробовала. Уставилась в тарелку.

— Солёное? — спросила Зина.

— Что?

— Борщ. Солёный?

— Нет. Нормально.

Пуговка уселся у Катиных ног и смотрел на борщ с выражением глубокого профессионального интереса.

— Он уже ел, — сказала Зина, не оборачиваясь.

— Я знаю.

— И в больнице ел. Я брала.

— Зина, ты возила шпича в больницу?

— Он маленький. Никто не заметил.

Катя посмотрела на Пуговку. Пуговка смотрел на борщ.

— Он заметный.

— Катя, ешь борщ.

Катя ела борщ. За окном было утро — серое, после грозы, с тем особым светом, который бывает, когда всё вымыло и мир стоит чистый и немного растерянный. Зина мыла что-то у раковины. Пуговка переместился с пола на колени — тяжёлый, тёплый, абсолютно уверенный в своём праве находиться именно здесь.

— Ты ночевала на объекте, — сказала Зина.

Не вопрос.

— Нас заперло грозой. Автоматика, протокол. Открыли только утром.

— Одна была?

— Нет. Застрял ещё один. Менеджер какой-то.

Зина молчала секунду.

— Нормальный?

— В целом.

— Не приставал?

— Нет. Мыл пол.

Зина обернулась. Посмотрела на неё с выражением человека, который услышал что-то требующее уточнения, но решил пока не уточнять.

— Ладно, — сказала она. И снова повернулась к раковине.

Катя доела борщ. Пуговка на коленях засопел — уснул, уткнувшись носом ей в локоть. И в этой тишине, в тепле маленькой кухни, воспоминания нахлынули снова — уже не мельком, а волной.

Его руки на её спине. Жёсткие, сильные — и вдруг невероятно осторожные. То, как он прижимал её к себе, будто боялся, что она исчезнет. То, как дышал — тяжело, сбивчиво, совсем не так, как дышат люди, которые всё контролируют. То, как в какой-то момент он замер и посмотрел ей в глаза — и в темноте, при свете аварийных ламп, она увидела в них что-то, чего точно не должно было быть у высокомерного менеджера с холодным взглядом.

Она отогнала мысли. Сосредоточилась на Пуговке. На тёплом весе маленькой собаки. На запахе борща.

— Зина.

— Что.

— Мама правда лучше?

Зина вытерла руки. Обернулась. Посмотрела на неё — не быстро, внимательно.

— Правда, — сказала она. — Я бы сказала, если бы нет.

Катя кивнула. Посмотрела в окно. Пуговка потёрся об её носом.

— Ладно, — сказала она.

— Ешь хлеб, — сказала Зина.

Катя взяла хлеб. И подумала: *«Это ничего не значит. Это просто ночь. Просто случайность. Просто...»*

В восемь пятнадцать Максим сидел в своём кабинете.

Перед ним стоял кофе — настоящий, горячий, принесённый помощником ровно в ту секунду, как он вошёл. Всё было на месте. Всё было правильно.

Он пытался сосредоточиться на отчётах, но перед глазами стояла она. То, как она смотрела на него, когда он впервые её поцеловал — не удивлённо, не испуганно, а так, будто ждала этого весь вечер. То, как её пальцы вцепились в его рубашку. То, как она выдохнула его имя.

Совещание прошло хорошо. Артём сказал правильные слова в правильных паузах. Рита из юридического прислала правильный договор. Региональный директор отчитался по цифрам — цифры сошлись.

Максим смотрел в окно. И видел не город, а её лицо в темноте переговорной. То, как она улыбнулась, когда он мыл пол. То, как смеялась над табличками. То, как потом, после всего, лежала рядом и молчала — и это молчание было важнее любых слов.

Работал. Отвечал на письма. Подписал три документа. В какой-то момент между звонками достал телефон — по привычке, без цели — и увидел фотографию флипчарта.

Убрал телефон. Вернулся к письмам.

Через десять минут позвонил.

— Игорь. Найди мне всё по клининговому агентству, которое обслуживает северный корпус. И выясни, кто такая Катерина Соколова.

Игорь перезвонил через сорок минут.

— Соколова Катерина Андреевна, двадцать девять лет. Бывший стратег-аналитик. Два года разрабатывала логистическую систему для холдингов среднего сегмента. Партнёр продал без её ведома. Суд — проиграла. Долги, мать сейчас в больнице.

Максим слушал. Смотрел в окно. Перед глазами снова всплыла ночь — её руки, её голос, то, как она сказала: *«Это ничего не значит»*.

Врала.

— Систему продал партнёр.

— Некий Денис Краснов. Сейчас в Дубае.

Пауза.

— Пришли мне папку с логистическим проектом. Тот, который мы внедрили в прошлом году.

Тишина на той стороне — секунда, не больше. Профессиональная.

— Там автор указан как —

— Я знаю, кто там указан. Пришли папку.

Папка пришла через три минуты.

Он открыл. Нашёл титульный лист. Посмотрел на имя автора.

Краснов Денис.

Закрыв ноутбук.

Встал. Подошёл к окну. Стоял дольше, чем обычно.

Она потеряла всё из-за человека, который продал её проект. Проект, который теперь приносит деньги его компании. И ночью, ничего не зная о нём, она...

Он вспомнил её лицо. Её смех. Её руки.

«Это ничего не значит».

Максим усмехнулся. Коротко. Зло.

Потом вернулся к столу. Открыл ноутбук снова.

Совещание в три.

Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

♥# Пока герои этой книги только начинают свою войну, вас уже ждёт роман **«До лета не влюбляться в босса»** — весной она решила изменить жизнь, но её планы первым нашёл начальник.

Глава 6. Бизнес-интерес

Все давно ушли.

Максим этого не заметил — просто в какой-то момент поднял голову от ноутбука и обнаружил что за стеклом темно, в приёмной тихо и последнего живого человека он видел часа три назад. Помощник, судя по всему, постучал, не дождался ответа и принял мудрое решение.

Максим встал, налил воды, постоял у окна.

Город жил своим вечерним делом. Огни, машины, люди со своими маршрутами — всё как обычно, ничего особенного. Он смотрел на это без мысли, просто давая глазам отдохнуть от экрана. Потом вернулся к столу.

Файл от Игоря с подробным отчетом про Екатерину Соколову лежал на столе. Он открывал его дважды и каждый раз закрывал — по причине которую себе не объяснял.

Открыл в третий раз.

Биография

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.